

Александр Марков

*Историческая
поэтика
духовности*

Александр Марков

Историческая поэтика духовности

«Издательские решения»

2015

Марков А. В.

Историческая поэтика духовности / А. В. Марков —
«Издательские решения», 2015

Монография посвящена «духовному в искусстве» с позиций исторической поэтики и интеллектуальной истории философии. Изменения жанров, стилей, состава литературы, выбора источников познания, новое отношение к жизненным моделям — часть выяснения отношений европейского человека со словом, которое его искушает, возвышает и обгоняет. История классической риторики и проповеди, полная невероятных перипетий и метаморфоз — ключ к пониманию «духовности» искусства XX в., не сводимой к предпочтениям авторов.

© Марков А. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
Введение	7
1. Происхождение Ренессанса из духа исихазма	8
1.1. Большое время: исихазм и Ренессанс	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Историческая поэтика духовности

Александр Марков

*А поезд уже пошел, пролетев четыре станции.
Виктор Іванів. Восстание грез*

© Александр Марков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Со скорбью думаешь, что ты уже не современник великих, Лотмана, Аверинцева, Библина (читатель назовет и другие имена), но со страхом думаешь, что ты современник их книг. Выход каждой книги такого автора – не просто «событие», и даже не просто перемена образа жизни: само ожидание, сама внимательность к мысли становятся другими. И логично на выход великих книг отозваться своей небольшой книгой, живым опытом перемены ума.

5 сентября 2015 г.

Введение

Исследование посвящено исихазму не как замкнутой системе, а как скорее, способу действия, теоретическому градусу участия, даже можно сказать «скорости», заставляющей иначе работать слова, вещи и отношения. Поэтому исследование сравнительное: как работает экфразис и как работает биографическое повествование, как меняется представление о каталоге и мысль о форме слова, как само слово становится образом. Мы подходим к теме исихазм и иконичность с другой стороны, чем это принято обычно, со стороны исторической поэтики, дополненной интеллектуальной историей самой философии. Как и в предыдущей книге, *Теоретико-литературный итоги первых пятнадцати лет XXI века*, просим у читателя предварительного знакомства с историей философии, научного понимания слов «идеализм», «метафизика», «субъект», а также хотя бы самого простого знания исторической поэтики. Последним вдохновением стала книга В. В. Бибихина *Пора (время-бытие)*, героическим усилиям вдовы В. В. Бибихина Ольги Евгеньевны Лебедевой смиренно посвящаю работу.

1. Происхождение Ренессанса из духа исихазма

1.1. Большое время: исихазм и Ренессанс

Поздняя Византия и итальянский Ренессанс – большое время (термин М. М. Бахтина) больших теорий. В это время создается уже не «семантическое поле слова», как говорят о художественном слове, но «семантическое поле жанра», способное определять художественность самой жизни. Самое смелое воображение торжествует в гражданских и бытовых решениях, призывая к новой жизни, в которой даже необходимость станет частью свободы на тех же правах, на каких теория становится частью практики. Жанровые теории (в виде проповедей и писем в Византии или в виде трактатов в Италии) создаются всеми писателями, не ограничивающихся выполнением готовых заказов. Такое теоретическое буйство в культуре повторится только в романтическую эпоху, но романтик стремится увидеть, как работают чужие практики, а ренессансный человек хочет увидеть, как может сработать его собственная практика, учредив мирное гражданское существование. Пределом такого видения станут автопредисловия уже классицистского и просвещенческого типа, в которых автор не столько объясняет сказанное, сколько рассказывает, при каких условиях повествовательное слово становится учреждающим словом, речевой «декор» оказывается частью созидательного опыта. Поэтому высказывания по поэтике должны включать в себя и форму: для понимания их содержания учет шрифта или виньеток, рисунков на полях или обстоятельств публикации, принципов размножения и распространения, не менее важно, чем то, что сказано напрямую.

Все началось с того, что жанры произвольного объема (от хроник и сказаний до энциклопедий и комментариев, переносивших знания как в мешке) были заменены на жанры строгого объема. В поздней Византии задачи полемики потребовали быстро создавать и распространять «книги»: появилось то, что мы уже привыкли звать форматом, обеспеченным как продуманностью содержания, так и удобством распространения в самых недоброжелательных обстоятельствах. В «книгу» могут войти либо длинные рассуждения, позволяющую читателю пережить драму истины, либо исчерпывающие классификации, готовящие читателя к принятию будущей истины. Греки, учившие итальянцев, и учили не просто примерам красноречия или просто грамматике, но особой чувствительности в отношении к греческому языку, к колеблющимся значениям и оттенкам понимания – и поэтому учили той учености, которая ждет, когда в будущем жизненная позиция носителя ее оправдает. В эпоху Ренессанса, умевшего отдохнуть в античности и вновь приняться за дело, ученость всех заметных деятелей, трех венцов, Лоренцо, Эразма или Рабле будет определять и их жизненный успех, и их жизненную позицию.

Образование становится политическим не только в том смысле, что оно встраивается в еще не готовые политические институты, но в том, что итальянская политика наследует греческой «политии», образу жизни, жительству, всему тому, что требует живо принимать риск как саму жизнь. Схематический аппарат школьных категорий неоплатонизма, и христианская мистика и аскетика, и учения, выступают как субъекты повседневной официальной жизни, эпифеномены реальности, о которых ведут споры (полемика и означает «битва») и дипломатический торг, который должен закончиться победой. Начали все греки, их «осень средневековья» ознаменовалась спором о том, могут ли божественные энергии восстановить не только божественный «образ», но и божественное «подобие» человека. Для исихастов они настолько пронизывают образ, что могут восстановить подобие человека: риск мышления тогда можно не только принять, но и растянуть во времени. Поэтому они и начинают толковать Писание так, чтобы не спорить о смыслах, но видеть даже в перипетиях смысла, парадоксах и противоречиях, сюжет собственного духовного возрастания. Риторическая *δεινότης*, *vehementia*, ярость

(или в старославянском лютость) становится не просто признаком убедительности речи, но главным параметром любого противоречия. Когда все полемизируют со всеми, стилю полемики приходится быть усредненным от постоянного нахождения в обращении, но при этом противоречие обнажается как меч или стрела в своей жгучей ярости. Показать целый мир в ударе стрелы, в молнии – это поэтическая задача, завещанная будущим векам.

Мы видим особую архитектуру мысли, не «наивную», но и не «сентиментальную», а делающую «сентиментальным» своих реципиентов благодаря «наивности» самого положительного признания вещей. Лирика была в ученой античности вытеснена историческими примерами, чтобы через много возродиться как действие в жизненно-житийной утонченности прозаического «афоризма», бьющего точно в цель метафорической, но и вполне реальной стрелой. Просто потому, что автор, отстаивающий свою позицию, должен уметь пользоваться самыми разными жанрами, да и к тому же писать письма, поэтические жанры обращаются к началу науки и знания, к истории в самом исконном понимании этого слова (это уже адресная история, которой придает форму и адресат, и получатель – так преобразилось свойственное поэзии повышенное внимание к готовой форме), а прозаические жанры, казалось бы ближе всего стоящие к историзму, превращаются в философское возвышенное рассуждение, которое должно влечь ввысь, таково возвышающее иго писательского аристократизма прозы (в классической культуре именно в прозе писатель развивается: последние книги Тита Ливия лучше его первых, но мы не скажем, что поздний Овидий превосходит во всем раннего). Ведь стиль в такой новой системе – достоинство тех, кто идет вторыми, арьергарда, а не авангарда идейного наступления, а кто наступает, тот должен уметь так же разобраться со стилями и распределить их для разных употреблений, как полководец должен продумать, как расставить войско и наладить его снабжение. Такому культурному перевороту, безусловно, содействовала и ориентация всей классической философии на метаязык геометрии: нужно было только превратить плоскости и объемы из условных в умопостижимые, как начинался и исихазм, и Ренессанс.

Стратегическое (греч.: полководческое) распределение жанров поневоле выдвигает проповедь на первый план, отождествляя ее с официальной речью, наиболее всеобъемлющей по распространению и задачам. Ниже идет традиционная церковная литература, включающая жизнеописания, в которой нет всеобщности, так как духовная жизнь провела отбор и различение, дав место и частному опыту. Наконец, вся остальная литература оказывается литературой частного интереса, чем-то вроде тыла армии, а не проповеднического безупречного авангарда и церковного основного корпуса со своими неповторимыми свойствами. Поэтому неожиданно похвальная речь становится апологией духовного опыта, спускаясь на ступеньку вниз от проповеди к частным заботам, тогда как жизнеописание превращается из литературы примеров в поле постановки неожиданных богословских вопросов, прежде всего, когда возникает мариология (от Неофита Кипрского до Николая Кавасилы). Надо заметить, что иконописный образ Богоматери с младенцем коренится в античном романе, условном названии жанра, пародирующего риторические упражнения, сваливая все на героев, а от читателя требуя восхищаться словом быстрее и ловчее, чем сопереживать героям. Харитон пишет в *Повести о Херее и Каллирое* (III, 8, 6, пер. С. В. Поляковой):

Прежде всего она взяла младенца на руки: это было прекрасное зрелище, какого до той поры нельзя было увидеть ни на картине живописца, ни в мастерской ваятеля, ни в стихах поэта. Никто ведь из них не изображал ещё Артемиду или Афину с младенцем на руках.

В античном романе, как у Ахилла Татия, поэт становится необходимым свидетелем, и потому зрелище, восторженно изложенное в жанре, пародирующем любые примеры, оказывается столь необходимым примером для искусства. Как в *Эфиопике* Гелиодора (III, 4, 2) о праздничном пояске говорится, что ювелир никогда прежде не делал столь прекрасного, но и потом

не сможет сделать – риторическая похвала, воспроизводившаяся в разных речах для разных предметов, в романе начинает работать на утверждение уникальности ремесла: уникальность романа становится рамкой, утвержденной обогнавшим его читательским восторгом.

Утверждению безупречного строя словесности более всего способствовало наличие литературного диалекта, который и был «техникой» высказывания: консервативной аттической речи, которая и делала литературу перспективной образованности, открытым горизонтом будущего, с которым столкнется поневоле мыслящий человек, а не местом тяжелого выбора ресурсов речи.

Образованность должна была стать образом жизни политики-государства, и поэтому косность готовых художественных форм лучше всего способствовала умеренности стиля и усиленному производству самого принципа образованного подхода к вещам и явлениям. Система жанров идёт поверх родов: трагическое и вообще драматическое становится одним из моментов общего жизненного сюжета, жизненной перспективы самых разных произведений, от патетических приёмов красноречия до перипетий житий, лирический элемент становится качеством слова, именно смысловым качеством, а не стилистическим, эпичность – это свойство стабильности самого художественного языка. Когда исихасты говорили о том, что из божественности действий Бога следует нетварность энергий, они следовали этой общей модели, в которой действия не являются родовыми, но всякая практика должна создавать собственное нетварное опережение. Исихастские споры привели к тому, что само учение должно быть проверено в реальности, одновременно превратив реальность в поле проверки. В ранней Византии историография делилась на светскую и церковную: светская рассказывала о деятельности «великих людей», церковная о катастрофах церковной жизни (ереси) и их преодолении, высящемся над опасностями. В поздней Византии существовала историография только одного типа: мемуар, стилизованный под объективный рассказ, своего рода «полководческая» словесность. Ведь если история классического типа была «в знакомстве с музами» (*Палат. Антол*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.